

УДК 343.1

О некоторых функциях в уголовно-процессуальном обжаловании России**Ибрагимова А.М.**

Старший преподаватель кафедры основ организации и управления в органах прокуратуры Казанского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

Актуальность темы обусловлена необходимостью совершенствования уголовно-процессуального законодательства об обжаловании в связи с изменением статуса Российской Федерации на международной арене, изменением ее конституционных основ в связи с поправками в Конституцию РФ, одобренными на всеобщем голосовании 1 июля 2020 г. В статье рассматриваются вопросы уголовно-процессуального обжалования отдельными должностными лицами действий (бездействия) и решений иных должностных лиц. Результатом исследования автора является вывод, согласно которому в основе полномочий должностных лиц по обжалованию лежит реализуемая ими в уголовном судопроизводстве функция, определяющая и функции обжалования в целом. На основе сделанных выводов и разработанных способов преодоления негативных тенденций в правоприменительной практике предлагается внести изменения в уголовно-процессуальное законодательство.

Ключевые слова: жалоба, должностные лица, уголовное судопроизводство, следователь, прокурор, полномочия обжалования, функции обжалования

В юридической науке давно идут дискуссии относительно уголовно-процессуального обжалования, его субъектов, под которыми следует понимать как лиц, подающих жалобу, так и лиц, ее рассматривающих и разрешающих.

Положения гл. 16 УПК РФ содержат общие правила уголовно-процессуального обжалования.

В то же время наличие в УПК РФ специальных норм, посвященных обжалованию отдельных видов действий или решений должностными лицами, может стать поводом для вывода о наличии противоречий в нормах об уголовно-процессуальном обжаловании.

Например, согласно п. 5 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, следователю предоставляется возможность обжаловать с согласия руководителя следственного органа решение прокурора об отмене постановления о возбуждении уголовного дела, о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых

или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков.

В этой связи возникает закономерный вопрос: обладает ли следователь либо другое должностное лицо полномочием обжаловать те действия (бездействие) и решения других должностных лиц, которые прямо не прописаны в уголовно-процессуальном законе, руководствуясь положениями ст. 123 УПК РФ.

Некоторые авторы утверждают, что уголовно-процессуальное обжалование свойственно только лицам, защищающим частные интересы и не обладающим должностными полномочиями [1, с. 42]. Однако такой подход в большей мере соответствует закрепленному в УПК РСФСР 1960 г. праву обжалования, присущему только заинтересованным участникам процесса: гражданам, предприятиям и организациям, и не принадлежавшему должностным лицам [2, ст. 22].

По мнению О.А. Максимова, право обжалования является неотъемлемым элементом правового статуса участника уголовного судопроизводства и в усло-

виях «внезаступности» существовать не может, так как создает сложности в определении пределов права обжалования этих лиц [3, с. 247]. Если следовать такому подходу, то мы приходим к выводу о том, что отсутствие четкого законодательного закрепления полномочий и прав обжалования у неоговоренных в УПК РФ участников (следователь-криминалист, иное лицо) вообще исключает всякую возможность для этого.

С этим сложно согласиться ввиду того, что даже наличие законодательного закрепления права обжалования отдельных участников уголовного судопроизводства не вносит полную ясность в исследуемый вопрос.

Например, наличие в п. 5 ч. 2 ст. 38 УПК РФ условия получения следователем согласия руководителя для обжалования решений прокурора порождает сомнение в его самостоятельности. Некоторыми авторами наличие широких функций руководителя следственного органа по отношению к следователю расценивается как ограничение самостоятельности у следователя в части уголовно-процессуального обжалования [4, с. 16].

По нашему мнению, п. 5 ч. 2 ст. 38 УПК РФ не должен трактоваться как абсолютное ограничение полномочий следователя по обжалованию действий (бездействия) и решений других должностных лиц. Такой подход, по нашему мнению, лишь свидетельствует о важности разрешаемых вопросов и необходимости привлечения к ним внимания широкого круга должностных лиц в целях реализации назначения уголовного судопроизводства, обеспечения объективности в их разрешении. Однако в правоприменительной практике существует, по нашему мнению, негативная тенденция, заключающаяся в распространении п. 5 ч. 2 ст. 38 УПК РФ на иные правоотношения в части обжалования следователем действий (бездействия) и решений должностных лиц.

Например, существующая прокурорско-следственная практика допускает возможность обжалования следователем действий (бездействия) и решений прокурора и в том случае, если это прямо не предусмотрено в законе, в частности, в п. 5 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, но с согласия руководителя, хотя с этим сложно согласиться. Очень ярко такой подход демонстрируют споры о подследственности, когда руководители следственных органов обжалуют постановления прокурора об изъятии у них либо передаче им уголовных дел при том, что данный вид решения не предусмотрен п. 5 ч. 2 ст. 38 УПК РФ. Именно поэтому мы соглашаемся с представителями научного сообщества, предлагающими усиление роли следователя [5, с. 183] и ограничение полномочий его руководителя [4, с. 33–34] в части распространения требования о необходимости получения его согласия на обжалование тех действий (бездей-

ствия) и решений, которые не предусмотрены п. 5 ч. 2 ст. 38 УПК РФ.

В некоторой степени подтверждением такому подходу служит и п. 6 части 2 ст. 38 УПК РФ, согласно которому следователь уполномочен осуществлять и иные полномочия, предусмотренные УПК РФ, который, на наш взгляд, нуждается в совершенствовании. Как и аналогичные пункты иных статей УПК РФ, посвященные полномочиям должностных лиц в уголовном судопроизводстве.

Стоит отметить, что обжалование следователем решений прокурора связано с реализацией им функции уголовного преследования, так как во всех случаях речь идет о принятых решениях и действиях в рамках уголовного дела либо материала проверки.

В научной среде рассматриваемый вопрос в настоящее время исследуется с позиции разграничения функции уголовного преследования следователя и аналогичной функции прокурора в свете надления его таковой на конституционном уровне [6, ст. 129].

Так, К.И. Амирбеков указывает на два возможных пути реализации конституционных полномочий прокурора по уголовному преследованию: надление его статусом «главы» конституционной (базовой) функции по уголовному преследованию с закреплением за органами предварительного расследования только функций «досудебного производства по уголовному делу», «расследования преступления, уголовного дела» либо надление его самостоятельной функцией уголовного преследования не только на стадии утверждения обвинения, но и его осуществлении на протяжении всего периода досудебного производства с сохранением такой функции и у органов предварительного расследования [7, с. 82, 84].

На наш взгляд, наиболее оптимальным представляется второй вариант, отвечающий современным реалиям, так как надление прокурора статусом «главы» уголовного преследования (1) увеличит в разы и без того ежедневно увеличивающуюся нагрузку на органы прокуратуры, а также (2) снизит эффективность ее функции по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования. При исчезновении функции уголовного преследования у последних прокуратуре попросту не за кем будет осуществлять этот надзор, так как сложно представить реализацию такой функции внутри системы как по объективным, так и по субъективным причинам. Тем самым появление одной функции приведет к исчезновению другой, не менее важной в обеспечении авторитета российской прокуратуры.

При сохранении функции надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования необходимо обязательное разграничение функции уголовного преследования между

прокурором и следователем, потребуется также и четкое законодательное закрепление полномочий следователя и прокурора по обжалованию действий (бездействия) и решений в уголовном судопроизводстве. Так как даже имеющееся положение дел, наделяющее прокурора функцией уголовного преследования лишь со стадии утверждения обвинительного заключения, порождает споры в научных кругах и неоднозначность в судебной практике.

Так, ч. 4 ст. 108 УПК РФ содержит правило, согласно которому постановление о возбуждении ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключение под стражу подлежит рассмотрению с обязательным участием подозреваемого или обвиняемого, прокурора, защитника. Некоторые авторы считают, что обязательность участия прокурора в этом случае порождает обязательность для суда мнения прокурора как представителя стороны обвинения, наделенного функцией уголовного преследования, и необходимость отведения роли автора процессуального документа органу предварительного расследования [7, с. 86].

Однако наличие хоть и незначительного, но ежегодно стабильного количества удовлетворенных судами ходатайств, не поддержанных прокурорами [примерно 0,1–0,2 % [8] из общего числа ежегодно удовлетворяемых (в 2017 г. – 113 240 ходатайств, в 2018 г. – 102 165 ходатайств, в 2019 г. – 94 633 ходатайств, в 2020 г. – 84 917 ходатайств, в 2021 г. – 87 905 ходатайств, в 2022 г. – 87 687 ходатайств)]¹, дает основание усомниться в том, что при решении вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу прокурор осуществляет функцию уголовного преследования.

По нашему мнению, такая форма участия прокурора в рассмотрении ходатайства органа предварительного расследования является формой осуществления надзора за процессуальной деятельностью последних. Только после утверждения обвинительного заключения, согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству, а именно п. 81 ст. 109 УПК РФ, прокурор может самостоятельно обращаться с ходатайством о продлении срока содержания под стражей. А функция уголовного преследования на досудебной стадии может быть реализована в ходатайстве прокурора об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу по возбужденным им уголовным делам и расследуемым преступлениям.

Вместе с тем в юридической литературе также указывается на объективную необходимость подкрепления возможности обжаловать постановления суда по ходатайствам о мере пресечения за участниками уголовного судопроизводства со стороны обвинения, осуществляющими уголовное преследование [9, с. 29–32]. То есть такая потребность имеется

в складывающихся отношениях и нуждается в поддержке со стороны юридической техники, которая, по мнению некоторых авторов, и является способом перевода социальных потребностей в юридическую плоскость [10, с. 221].

В связи с этим целесообразно разграничивать (1) функцию уголовного преследования органов предварительного расследования в ходе досудебного производства по делу, (2) функцию прокурора по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования, (3) функцию прокурора по уголовному преследованию в ходе судебного производства по уголовному делу, а также наделение прокурора (4) функцией по уголовному преследованию в ходе досудебного производства по уголовному делу.

Указанный довод служит подтверждением необходимости признания и закрепления в законе возможности должностных лиц обжаловать действия (бездействие) и решения других должностных лиц в тех случаях, когда это связано с необходимостью реализации возложенной на них функции в рамках уголовного судопроизводства.

На необходимость признания значения реализуемой должностными лицами функции в уголовном судопроизводстве указывают и мнения других авторов, существующие в юридической литературе. В частности, предлагается закрепить право прокурора на обращение к председателю суда, в производстве которого находится уголовное дело, с заявлением о принятии мер к ускорению рассмотрения и разрешения уголовного дела [11]. Ч. 5 ст. 6.1 УПК РФ наделяет таким правом всех заинтересованных лиц. Однако судебная практика свидетельствует о том, что существуют проблемы в определении круга лиц, подпадающих под эту категорию.

В частности, оставлено без удовлетворения кассационное представление прокурора на постановление председателя суда, которым отказано в ускорении рассмотрения уголовного дела, находящегося на рассмотрении к моменту подачи заявления 1 год 8 месяцев, ввиду неотнесения государственного обвинителя к числу заинтересованных лиц по уголовному делу [12]. Тогда как защита прав участников уголовного судопроизводства, в том числе потерпевших на восстановление любых нарушенных прав, должна носить комплексный характер [13, с. 112].

По другому уголовному делу аналогичное заявление прокурора удовлетворено председателем суда [14].

Несмотря на указанную противоречивость судебной практики, мы разделяем мнение авторов, поддерживающих правозащитную роль прокурора в уголовном судопроизводстве, которой обуславливается его процессуальная заинтересованность в исходе дела, вытекающая из ее предназначения как надзорного органа [11; 15, с. 36]. Тем самым под-

¹ Показатели судебной статистики в РФ / <https://sudstat.ru/>

тверждается, что при определении объема полномочий необходимо руководствоваться осуществляемой функцией должностного лица.

По нашему мнению, именно осуществляемая тем или иным должностным лицом функция в уголовном судопроизводстве служит основным критерием и при решении вопроса о наличии или отсутствии полномочия по уголовно-процессуальному обжалованию у этих должностных лиц, а также определяет и функцию уголовно-процессуального обжалования в целом.

По этой причине во избежание двоякого толкования уголовно-процессуальных норм и формирования противоречивой правоприменительной практики предлагаем внести в п. 6 ч. 2 ст. 38 УПК РФ изменения, дополнив после слов «иные полномочия, предусмотренные УПК РФ, включая предусмотренные ст. 123 УПК РФ». Изменения аналогичного содержания предлагается внести и в нормы, определяющие правовой статус отдельных субъектов уголовного судопроизводства, – в п. 16 ст. 37 УПК РФ, в п. 12 ст. 39 УПК РФ, в п. 11 ст. 40.2, в п. 2 ст. 41 УПК РФ.

Литература:

1. Аргамонов А.Н. Обжалование действий и решений органов расследования в досудебных стадиях российского уголовного процесса: дисс. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2003. – 215 с.
2. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 592.
3. Максимов О.А. Ходатайства и жалобы как форма выражения назначения уголовного судопроизводства: дисс. ... докт. юрид. наук. – Ульяновск, 2022. – 595 с.
4. Рудакова С.В. Уголовно-процессуальное обжалование и его система в отечественном досудебном производстве: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. – Краснодар, 2023. – 45 с.
5. Трусов К.Ю. О расширении полномочий следователя по обжалованию решений прокурора // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2015. – № 1(3). – С. 182–184.
6. Конституция Российской Федерации (с изм. одобренными на всеобщем голосовании 01.0.2020 г.) // СПС КонсультантПлюс.
7. Амирбеков К.И. Проблема конституционности полномочий прокурора по осуществлению уголовного преследования в досудебном производстве // Актуальные вопросы деятельности прокуратуры Российской Федерации: Сб. материалов круглого стола и научного диспута, проведенных в 2019 году в рамках работы научного объединения «Прокурорская деятельность», Москва, 25–30 мая 2020 г. / Под общ. ред. Н.В. Субановой, сост. И.А. Васькина, Н.А. Кулакова. Вып. 2. – М.: Университет прокуратуры Российской Федерации, 2021. – С. 77–88.
8. Состояние законности и правопорядка в Российской Федерации и работа органов прокуратуры. 2019 год: информ.-аналит. записка. – М.: Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. 2020. – 468 с.
9. Черемисина Т.В. Взаимодействие следователя и суда при рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу // Российский следователь. – 2018. – № 2. – С. 29–32.
10. Талан М.В. Виды уголовно-правовых систем // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – Т. 150, № 5. – С. 220–228.
11. Некенова С.Б., Цебекова В.Г. К вопросу об особенностях рассмотрения председателем суда заявления об ускорении рассмотрения уголовного дела // СПС КонсультантПлюс.
12. Кассационное определение Сахалинского областного суда от 9 ноября 2011 г. Дело № 22-2147. – URL: <http://actoscope.com/dvfo/sahalinobl/oblsud-sah/ug/3/po-kassacionnomu-predstavleniy16122011-3651707>.
13. Епихин А.Ю. Повышение уголовно-правовой защищенности имущественных и иных прав потерпевшего // Современное право. – 2014. – № 6. – С. 110–113.
14. Решение Дисциплинарной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 22.07.2022 г. № ДК22-23 // СПС КонсультантПлюс.
15. Гаврилов М.А., Мингалимова М.Ф. О роли прокурора при рассмотрении уголовных дел судом // Вестник Университета прокуратуры РФ. – 2023. – № 1(93). – С. 32–39.

About Some Functions in the Criminal Procedure Appeal of Russia

Ibragimova A.M.
***Kazan Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation***

The relevance of the topic is due to the need to improve the criminal procedure legislation on appeal in connection with the change in the status of the Russian Federation in the international arena, the change in its constitutional foundations in connection with the amendments to the Constitution of the Russian Federation approved by universal vote on July 1, 2020. The article deals with the issues of criminal procedural appeal by individual officials of actions (inaction) and decisions of other officials. The result of the author's research is the conclusion that the basis of the powers of officials to appeal is the function implemented by them in criminal proceedings, which determines the functions of appeal in general. Based on the conclusions drawn and the ways developed to overcome negative trends in law enforcement practice, it is proposed to amend the criminal procedure legislation.

Key words: complaint, officials, criminal proceedings, investigator, prosecutor, powers of appeal, functions of appeal

